

ЭПИСТОЛЯРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Р. ВАССЕНА

«ВЫ НЕ МОЖЕТЕ НЕ СОЧУВСТВОВАТЬ НАМ — БЕДНЫМ СТУДЕНТАМ...»

(Письма студентов к Достоевскому)

Значительную часть корреспонденции Достоевского составляют письма от молодых студентов.¹ Немало страниц «Дневника писателя» за 1876—1877 годы посвящает Достоевский теме молодого поколения и потере веры в истинный смысл жизни среди молодых: «А у меня именно есть таинственное убеждение, что молодежь-то наша и страдает, и тоскует у нас от отсутствия высших целей жизни. <...> От наших умных людей и вообще от руководителей своих она может заимствовать в наше время <...> скорее лишь взгляд сатирический, но уже ничего *положительного*, — то есть во что верить, что уважать, обожать, к чему стремиться, — а всё это так нужно, так необходимо молодежи, всего этого она жаждет и жаждала всегда, во все века и везде!» (24, 51).² Автор «Дневника писателя» упрекает не столько «детей», сколько тех «либеральных отцов», которые, оторвавшись от почвы и от святых народных идеалов, обратились к материализму и социализму: вредные плоды

¹ О письмах читателей «Дневника писателя» к Достоевскому см., в частности: Волгин И. Л. 1) Письма читателей к Достоевскому // Вопросы литературы. 1971. № 9. С. 173—196; 2) Достоевский и русское общество // Русская литература. 1976. № 3. С. 123—142.

² Говоря о «руководителях» молодежи, Достоевский мог иметь в виду Н. Г. Чернышевского, являвшегося в 1860-е годы самым влиятельным публицистом и писателем для радикальной молодежи. В главе «Нечто личное» «Дневника писателя» за 1873 год Достоевский вспоминает, как, прочитав в сентябре 1861 года революционную прокламацию «К молодому поколению», посетил Чернышевского и попросил его остановить и уберечь молодых людей от опасных революционных идей: «Ваше слово для них веско, и, уж конечно, они бояться вашего мнения. <...> Вам стоит только вслух где-нибудь заявить ваше порицание, и это дойдет до них» (21, 26). Об этом эпизоде см. также: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1939. Т. 1. С. 777—778.

такого наследия пожинают дети, лишенные религиозных и семейных ценностей.³

Достоевский основательно коснулся проблемы молодого поколения уже в романе «Бесы», который ожесточил оппонентов из радикального лагеря и составил писателю «славу» ретрограда, обскуранта и мистика.⁴ Тем не менее Достоевский знал, что большая часть молодежи, вопреки мнению критиков, его таковым не считала: «Мое литературное положение (...) считаю я почти феноменальным: как человек, пишущий зауряд против европейских начал, компрометирующий себя навеки „Бесами“, то есть ретроградством и обскурантизмом, — как этот человек, помимо всех европействующих, их журналов, газет, критиков — все-таки признан молодежью нашей, вот эту самую расшатанную молодежью, нигилятиной и проч.? Мне уж это заявлено ими, из многих мест, единичными заявлениями и целыми корпорациями. Они объявили уже, что от меня *одного* ждут искреннего и симпатичного слова и что меня *одного* считают своим *руководящим писателем*» (30, 121; письмо к К. П. Победоносцеву от 24 августа (5 сентября) 1879 года). На самом деле особое внимание, уделенное Достоевским миру молодежи, вызвало интерес и сердечные отзывы многих подростков, гимназистов и студентов, нашедших в авторе «Дневника писателя» сочувствующего и достойного доверия учителя. Некоторые студенты обращались к Достоевскому, ожидая от него суждений о политических и общественных событиях бурного и сложного времени конца XIX в.⁵ Однако не все письма студентов Достоевскому поднимали политические и общественные вопросы; некоторые молодые читатели обращались к писателю, с тем чтобы выразить восхищение его творчеством, или задать вопросы, касающиеся его литературной деятельности, или попросить моральной и материальной поддержки. На мой взгляд, такие письма, большая часть которых не опубликована, интересны тем, что воссоздают образ писателя, составленный молодежью на основании чтения его произведений.

---

³ Тема молодого поколения обсуждается в «Дневнике писателя» за 1876 год (см. мартовский вып., гл. 2, § 4; декабрьский вып., гл. 1, § 4); за 1877 год (см. майско-июньский вып., гл. 1, § 2); с темой «отцов и детей» связана и проблема «случайного семейства» (январский вып., гл. 1, § 2, 3, гл. 2; февральский вып., гл. 2; майский вып., гл. 2, § 1 за 1876 год, а также январский вып., гл. 2, § 5; июльско-августовский вып., гл. 1, § 2, 3, 4 за 1877 год).

⁴ О теме «отцов и детей» в романе «Бесы» см.: Буданова Н. Ф. Проблема «отцов и детей» в романе «Бесы» // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1974. Т. 1. С. 164—188.

⁵ См. письмо от 8 апреля 1878 года студентов Московского университета к Достоевскому (Достоевский Ф. М. Письма: В 4 т. / Под ред. А. С. Долинина. М., 1959. Т. 4. С. 355—356), а также письмо от 5 июня 1878 года А. А. Порфирьева и других студентов Казанского университета (Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1976. Т. 2. С. 319—322 (публикация Т. А. Лапицкой)).

«Жестокий талант» Достоевского описывать человеческую боль и четко объяснять малейшие движения сердца своих героев давал огромную власть над читателем, который сопереживал мучениям персонажей. А. М. Скабичевский заметил в 1875 году: «Когда же читаете романы г-на Достоевского, то вы сами как будто участвуете в галлюцинациях его героев и переживаете вместе с ними. Мне кажется, что в искусстве должен быть какой-то предел, за который оно не должно переходить в своем действии на сердце читателя, иначе оно перестает быть искусством, а делается уже самой жизнью, производя на вас впечатление не образов творчества, а как бы самих фактов жизни». ⁶ Через художественное представление страдания Достоевский стремился возбудить в своем глубоко пораженном читателе равносильное страдание. Действие такого «болевого эффекта» описал Р. Г. Назиров: «Намеренно терпкими и тяжелыми образами царапая сердце читателя, он разрушает существующий эстетический канон и переступает границы искусства. Болевой эффект, заменяя ожидаемый читателем эстетический эффект, порождает протест в его душе; энергию этого протеста автор как бы „переадресовывает“ впечатлениям окружающей жизни («Вам больно слушать?»). (...) Но болевой эффект применяется Достоевским не только для „возмущения“ читателя. (...) Достоевский, причиняя читателю боль, превращает эстетическую вину читателя в этическую. (...) Рисуя катастрофу героя в формах унижения и позора, Достоевский заставляет нас ощутить этическую вину. Мы сопереживали герою в его преступлении и борьбе со следователем, теперь же он увлекает нас за собой в своей катастрофе. Болевой эффект применяется в различных целях. Он направлен на вовлечение читателя в бунт героя, он же способствует острому осознанию читателем перехода эстетической вины в этическую. Болевой эффект дал Достоевскому огромную власть над душой читателя». ⁷ Разрушение художественной границы под влиянием «болевого эффекта» производило смешение искусства с реальностью и заставляло читателя смотреть на себя как на главное действующее лицо произведения. Писательница К. В. Назарьева писала Достоевскому 3 февраля 1877 года: «Вы — поэт страдания, Вы самый симпатичный, самый глубокий наш писатель. Вы выстрадали Ваш талант, оттого Ваши творения перевертывают человека, заставляют его со страхом смотреть в себя». ⁸

Письма молодых студентов свидетельствуют о таком переходе в читательском сознании из эстетической в этическую сферу. Тон мно-

---

⁶ *Заурядный читатель* [Скабичевский А. М.]. Мысли по поводу текущей литературы // Биржевые ведомости. 1875. № 35. 6 февр. С. 1.

⁷ Назиров Р. Г. Проблема читателя в творческом сознании Достоевского // Творческий процесс и художественное восприятие. Л., 1978. С. 227—228.

⁸ Вопросы литературы. 1971. № 9. С. 180 (публикация И. Л. Волгина).

гих писем носит исповедальный характер: читатели излагают Достоевскому свои сокровенные мысли, ждут от него помощи, совета, поддержки. Такое явление объясняется самим характером «Дневника писателя», искренним обращением автора к читателю, а также неким особенным представлением читателя о личности автора. Характерная черта таких писем — это ожидание, доверие, уверенность в доброте автора «Дневника»: «Я убеждена в Вашей снисходительности, г-н Достоевский, Вы единственный можете понять каждое состояние человека», — пишет гимназистка О. А. Антипова в январе 1877 года. «Вы, как Иисус Христос, любите детей и подростков, так исполните мою просьбу», — обращается к Достоевскому гимназист В. А. Фаусек из Харькова. Письма молодых гимназистов свидетельствуют о том, что часть молодежи относилась к писателю как к «святому старцу»: молодые люди ожидали от него не просто совета, но в некоторых случаях даже требовали, чтобы писатель научил их, как жить: «Какое же это истинное слово жизни? Поможете ли Вы сообщить его мне, я очень, очень нуждаюсь в нем», — спрашивает Антипова в письме от 21 апреля 1877 года. В сознании многих читателей несчастные события, пережитые Достоевским, делали его ближе и роднее. 13 ноября 1876 года, студент Г. Глинский пишет: «Много Вы сами в жизни испытали — а потому можете понять и горе другого, хотя бы Вам вовсе незнакомого человека». Страдания, пережитые Достоевским, были для некоторых молодых читателей сравнимы с мученичеством святого, он становился для них неким жизненным идеалом, за которым можно и должно было следовать. В письме от 15 ноября 1876 года Фаусек, благодаря писателю за ответ, сообщает: «А Ваши строчки будут иметь для меня большое значение, и в трудную минуту жизни, в несчастье, или на краю преступления или подлости, я думаю, один взгляд на них даст мне силы душевные, и, думая о Вас, который так много страдал, я уже легко перенесу свои личные невзгоды».

Идеализированное представление молодых читателей о писателе, знакомых с Достоевским только по его романам и по «Дневнику», обуславливало характер их просьб. Особое удивление самого Достоевского вызывали письма с просьбами о помощи. В сентябре 1877 года писатель отметил в своей Записной тетради: «Письма: приищите работу, уроки. Если вы добрый человек. Труднее, чем вступить на престол» (24, 249). О таких письмах Достоевский вспоминал: «...с тех пор как стал издавать „Дневник“, начал получать со всей России множество писем от совсем незнакомых людей с просьбами заняться их делами, поручениями (удивительными по разнообразию их), но главное, приискать места занятий, службы и даже государственной службы. (...) Всего характернее, что они считают меня в связях со всеми, от кого зависит раздавать места. На все эти письма я должен писать отказы, потому что и десятой просьбы не

могу выполнить, и всё это принесло мне много тоски» (30₁, 39—40; письмо к М. А. Языкову от 14 июля 1878 года).

Письма молодых студентов доказывают, что «болевого эффект» вызывал ответную реакцию: не чувствуя границы между искусством и жизнью, читатель искал у писателя, спровоцировавшего столь мучительные переживания, утешения, помощи, ответа на свои вопросы. Читатели обращались к Достоевскому с уверенностью в его глубиной понимания человеческих страданий, которую они черпали из чтения его романов; эта уверенность хорошо выражена студентом А. А. Дудкиным в письме от 3 сентября 1876 года: «А мне кажется, что Вы не можете не сочувствовать нам — бедным студентам, да и не нам только, а всем, кому нехорошо живется».

Данная подборка писем выявляет отношения студенческой молодежи к писателю. Здесь публикуются письма молодых читателей: студента Петербургской Медико-хирургической академии А. А. Дудкина, пятнадцатилетнего гимназиста из Харькова В. А. Фаусека, петербургских студентов Г. Глинского и А. Леонтьева и семнадцатилетней гимназистки из Петербурга О. А. Антиповой.

При публикации в отдельных случаях сохранены стилистические и грамматические особенности языка корреспондентов.

Александр Асафьевич Дудкин. В списке лиц, окончивших курс в Медико-хирургической академии после 1877 года, имени А. А. Дудкина нет (см.: История Императорской Военно-медицинской (бывшей Медико-хирургической) Академии за сто лет. 1798—1898 / Под ред. проф. Ивановского. СПб., 1898. С. 213—281).

А. А. Дудкин — Достоевскому

3 сентября 1876 г. Петербург

Многоуважаемый Федор Михайлович,

Вчера я заходил к Вам переменить адрес Жарова.¹ Это был предлог, ни больше ни меньше, мне нужно было поговорить с Вами; но почему-то мне показалось, что Вы заняты, и я решился Вам писать.

Я только что поступил в Ме⟨дико-⟩х⟨ирургическую⟩ Академию,² бывши прошлый год уволенным из Техн⟨ологического⟩ Института.³ Средств для существования у меня ровно никаких.

А мне кажется, что Вы не можете не сочувствовать нам — бедным студентам, да и не нам только, а всем, кому нехорошо живется.

Не подумайте, что, забегаю таким образом вперед, я хочу польстить Вас. На уме этого у меня совсем нет. Обращался я и прошлый год и нынешний к людям молодым и состоятельным, даже из влиятельных лиц, с либеральным пошибом; но дело ограничивалось только обещаниями. Понятно, я не могу их винить, может, в самом

деле эти люди имеют только возможность обещать. Но нашему брату от этого не легче.

Вот и теперь, когда нужно вносить плату за лекции,⁴ да и жить не на что, словом, находясь в каком-то натянутом, тревожном состоянии, готов идти куда угодно, просить кого угодно, и от этого, кажется, больше еще теряешь.

Видите ли, я даже позабыл главное, что нужно было написать: заговорился, потому что сам себя задел за больное место.

Я прошу у Вас содействия, Федор Михайлович. Самому очень трудно достать какую-нибудь работу, и вот именно в этом-то и прошу Вашего содействия. Я могу давать уроки по предметам гимназического курса классических и реальных гимназий,⁵ из французского языка и отчасти высшей математики, знаю книговедение, могу заниматься в страховых и банкирских конторах, где работал, еще бывши гимназистом. Будьте так добры, не откажите в помощи достать какую-нибудь работу и почтить меня Вашим ответом.

Глубоко уважающий Вас

А. Дудкин

Адрес мой записан у Вас вместо Жарова

На конверте:

Городское

Его Высокоблагородию Федору Михайловичу Достоевскому

Греческий проспект, дом Струбинского

Квартира № 6 (подле Греческой церкви).

Публикуется по подлиннику: ИРЛИ, ф. 100, № 29708, ССХІ б. 4.

На конверте помета Достоевского: «Изм(айловского) полка 5-я рота дом № 15 квартира № 12. Александр Асафьевич Дудкин» (30₂, 67, 107—108).

Фрагменты письма опубликованы: 30₂, 107—108. Письмо датируется по почтовому штемпелю (см.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1999. Т. 3. С. 124).

¹ Жаров — лицо неустановленное.

² Петербургская Медико-хирургическая академия (с 1881 года Военно-медицинская академия) — одно из старейших высших учебных заведений — была основана в 1798 году. Описание условий жизни студентов в конце 1860-х—начале 1870-х годов дает представление о трудностях студенческой жизни: «Большинство студентов было крайне недостаточно обеспечено; особенно сильно нуждались студенты первых двух курсов, на третьем же являлась надежда получить стипендию. Многие прибывали из отдаленных частей России (...) в чуждом городе, при страшной конкуренции на труд репетитора, переводчика и даже переписчика, они оставались без всяких средств к существованию. Погоня за уроками в частных домах приняла крайне беспорядочный характер; иногда студенты, а в особенности именующие себя студентами неудачники, не выдержавшие проверочных экзаменов, являлись на уроке в та-

ком виде или, понуждаемые голодом, совершали такие деяния, что Конференция, по предложению г. министра, в сентябре 1868 г. выработала особые правила для студентов Академии, желающих заниматься уроками в частных домах; главное в этих правилах было выдача свидетельства, удостоверяющего личность и разрешающего преподавание. Одевались студенты бедно <...> питались студенты скудно <...> селились тесно, группами» (см.: История Императорской Военно-медицинской (бывшей Медико-хирургической) Академии за сто лет. 1798—1898 / Под ред. проф. Ивановского. СПб., 1898. С. 654—655).

³ С.-Петербургский Практический Технологический институт — один из старейших отечественных технических вузов. Был основан в 1828 году и с 1896 года стал Технологическим институтом.

⁴ 18 июня 1863 года вступил в действие новый устав для всех русских университетов. Согласно новому уставу за слушание лекций в столичных университетах студенты должны были платить по 50 рублей в год; плата за слушание вносилась вперед пополугодно; студенты, которые не вносили плату в течение двух месяцев с начала полугодия, увольнялись из университета; при представлении свидетельства о бедности недостаточным студентам университеты давали отсрочки во вносе платы или уменьшали ее до половины, или совершенно освобождали от нее (см.: Общий Устав Императорских российских университетов. Царское Село, 18 июня 1863 г. С. 31).

⁵ В 1871 году была проведена реформа среднего образования, подготовленная министром народного просвещения Д. А. Толстым, которая заменила реальное образование классическим, с преимущественным вниманием к древним языкам. Вокруг реформы развернулась оживленная полемика, широко освещавшаяся и на страницах «Гражданина» (см.: Гражданин. 1872. № 22. 2 окт.; 1873. № 2. 8 янв.; № 15—16. 16 апр.; № 28. 9 июля; № 35. 27 авг.). Об отношении Достоевского к «классическому образованию» см. также Записную тетрадь 1872—1875 годов (21, 268—270).

Виктор А.(?) Фаусек (1861? — ?). Гимназист. Никаких сведений о нем найти не удалось.

В. А. Фаусек — Достоевскому

1

30 октября 1876 г. Харьков

Федор Михайлович!

То, что я пишу Вам, мне только что пришло в голову, и я немедленно исполню свою мысль, потому что если бы подождал, то непременно бы раздумал. Конечно, моя просьба Вас удивит, непременно удивит, а впрочем, может быть, и не удивит, может быть, это не первая просьба к Вам в этом роде. Она напомнит знаменитое поручение Петра Иваныча Бобчинского: «так и скажите государю, вот, мол, живет на свете П. И. Бобчинский, так и скажите: П. И. Бобчинский».¹

Напоминает, да и не совсем. Вот в чем она заключается. Пришлите мне хоть несколько строк, хоть только одну Вашу фамилию, напи-

санную Вашей собственной рукой, непременно Вашей собственной. Странная просьба? С каким удовольствием буду я смотреть на почерк той руки, которая написала «Преступление и наказание», «Бесы», «Идиота», «Подростка», «Дневник писателя». Хоть несколько строк. Это немного времени займет у Вас. А я-то как буду рад. Я «сорву цветы наслаждения, утону в пуховиках удовольствия» (это Ваша фраза, из «Чужой жены и мужа под кроватью». Да вы ее и сами признаете).²

Вы наверно подумали, что это институтка или пансионерка писала? Нет, это писал мальчик, подросток, гимназист — мне 15 лет, скоро 16. Вы, как Иисус Христос, любите детей и подростков, так исполните мою просьбу. Она Вам кажется глупой, странной, Вы не захотите, не сочтете нужным ее исполнить. Нет, исполните. Как я буду дорожить вашим письмом! Я буду беречь его, как святыню. У меня есть Ваша карточка.³ Люди, видевшие Вас в Петербурге (на литературном утре) говорят, что она похожа.

Любящий Вас, уважающий Вас всею душою, поклонник Ваш

В. Фаусек

Адрес: Харьков, на Николаевской ул. д. Серебрякова
А.М. Кабот, с передачею В. А. Фаусеку
Или же иначе: Харьков
На Сумскую ул., в 3-ю гимназию,
Ученику 6-го класса В. Фаусеку
Но лучше на дом

На конверте:

В С. Петербург
Федору Михайловичу Достоевскому
На Греческий проспект, подле Греческой церкви
д(ом) Струбинского, кв(артира) № 6.

Публикуется по подлиннику: ИРЛИ, ф. 100, № 29877, ССХІ б. 12.

Фрагменты письма опубликованы: *Летопись...* Т. 3. С. 139.

Письмо датируется по почтовому штемпелю.

¹ Неточная цитата из «Ревизора» Н. В. Гоголя (4-е действие, VII явление). У Гоголя Бобчинский говорит Хлестакову:

«Да если этак и государю придется, то скажите и государю, что вот, мол, ваше императорское величество, в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский».

² У Достоевского: «Мы вместе срывали цветы удовольствия, тонули на пуховиках наслаждения» (2, 73). Рассказ Достоевского «Чужая жена и муж под кроватью» впервые был напечатан в «Отечественных записках» в 1848 году (№ 1, 11).

³ В 1876 году официальной карточкой Достоевского являлась фотография Н. Досса (1876) (см.: Описание рукописей Ф. М. Достоевского / Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957. С. 270), а также фоторепродукция с портрета художника В. Перова (1872) (см.: Ф. М. Достоевский в портретах, иллюстрациях, документах / Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1972. С. 296).

15 ноября 1876 г. Харьков

Многоуважаемый Федор Михайлович!

Получил я Ваше милое, любезное, бесконечно-дорогое для меня письмо.¹ Я уж и не стану писать, сколько удовольствия оно мне доставило, и как я Вам за него благодарен, за то, что Вы мне ответили. Хотя я и высказал в первом письме моем твердую уверенность в том, что Вы непременно ответите мне, но ведь, конечно, в глубине у меня все-таки должна была гнездиться мысль, что это — смешная, неисполнимая мечта.

Действительно, с какой стати стали бы Вы мне писать? И на чем бы мог я основывать свою надежду? Я основывал ее на той доброте, на той простоте и снисходительности, которая просвечивает в каждой строчке Вашей. Мне тогда эта мысль совершенно внезапно в голову пришла, т.е. именно мысль написать Вам. А знал я Вас, и привык всегда уважать Вас уже давно, кажется, с тех пор, когда только впервые начал читать со смыслом и с любовью. Я сразу взял и написал, и сейчас же отправил, потому что если бы я хоть несколько отложил, то непременно раздумал бы, непременно.

И все-таки я написал бы только Вам, именно Вам, Федору Михайловичу Достоевскому, без малейшей боязни насмешки или колкой остроты над смешным, детски увлекающимся мальчишкой. Еще бы Диккенсу я, кажется, не побоялся бы, у Вас много сходства с ним именно в этой простоте и снисходительности. Я из его романов больше всего Пикквика люблю, за эти два качества.²

А Ваши строчки будут иметь для меня большое значение, и в трудную минуту жизни, в несчастье, или на краю преступления или подлости, я думаю, один взгляд на них даст мне силы душевные, и думая о Вас, который так много страдал, я уже легко перенесу свои личные невзгоды. Эту последнюю тираду, хотя и искреннюю вполне, я опять-таки написал, зная, что Вы не назовете это бреднями гимназиста, а что действительно правду говорю... Глубоко я в Вас верю, Федор Михайлович.

А теперь прощайте... еще и еще благодарю Вас.

Глубоко благодарный Вам, от всей души любящий и уважающий Вас

Виктор Фаусек

На конверте:

В С. Петербург

Греческий проспект, подле Греческой церкви

д(ом) Струбинского, кв(артира) № 6

Федору Михайловичу Достоевскому.

Публикуется по подлиннику: РГБ, ф. 93 П. 9. 83.
Частично опубликовано: 29₂, 313.

¹ Ответ Достоевского на первое письмо Фаусека не сохранился. См.: Список несохранившихся и найденных писем и деловых бумаг 1875—1878 годов (29₂, 313; № 326).

² Пиквик — главный герой романа Ч. Диккенса «Записки Пиквикского клуба». Первые русские переводы Диккенса появились в конце 30-х годов XIX в., и в середине 40-х годов его романы завоевали большую популярность в России. Диккенс был один из любимых писателей самого Достоевского, который имел в своей библиотеке французские переводы его романов (см.: Гроссман Л. П. Библиотека Достоевского. Одесса, 1919. С. 139). О влиянии Диккенса на творчество Достоевского см.: Катарский И. Диккенс в России. Середина XIX века. М., 1966.

Генрих Глинский. В списке лиц, окончивших полный курс в петербургском Практическом Технологическом институте с 1837 по 1903 год, сведений о нем нет (см.: Семидесятипятiletний юбилей С.-Петербургского Практического Технологического Института. СПб., 1903. С. 78).

Г. Глинский — Достоевскому

13 ноября 1876 г. Петербург

Суббота 13 ноября

Федор Михайлович!

Хотел лично к Вам явиться — но как-то не хватило духа. Как хотите — а хоть и работу прошу, и, кажется, честнее просьбы быть не может — все-таки в наше время просьба считается чем-то понижающим просителя, и хоть не такого мнения, а все-таки слова из горла не лезут, когда приходится просить о доставлении работы, дабы честным трудом добыть кусок хлеба. Как будто слышится в воздухе, во всем, что нас окружает, эта злосчастная — не знаю, право, как ее назвать — истина что ли? Дающий работу — благодетель, кормилец, отец; нуждающийся в ней и молящий о том, чтобы ему ее дали, — что-то вроде нищего, достойного доли сожаления, но больше презрения. Да ведь правда — один из ученых людей сказал: бедность сама по себе великое зло! Истина слишком ясная для тех, чей желудок — пуст и сапоги — дырявы! Гнул я спину тоже — но, к сожалению, — не довольно низко, для того, чтоб за это дали работу, как видно.

Просматривая газеты, с надеждой, что найду какое-нибудь предложение кого-нибудь из добродетелей, — случайно попала мне Ваша фамилия и адрес. Много Вы сами в жизни испытали — а потому можете понять и горе другого, хотя бы Вам вовсе незнакомого человека. Лично к Вам пойти — не было силы. Слишком унижался перед другими — для того, чтобы достойно с Вами говорить. Поэтому решил я написать этих несколько строк к Вам — в надежде,

что охоты и времени хватит, чтобы Вы мне ответили несколько строчек.

Вот Вам верный мой портрет, в коротких словах: окончив реальную гимназию — приехал я в С⟨анкт⟩п⟨етер⟩б⟨ург⟩ — поступил в Технолог⟨ический⟩ Инст⟨итут⟩. В следующем году перешел во второй курс. По недостатку средств остался на второй год на втором курсе. Нужда, однако, заела: в июне в числе многих других меня выгнали из Института. Пришлось искать убежища перед вынуждением жребия. Собравшись с духом, отправился в Москву, где поступил в Петровскую Академию.¹ После экзаменов меня перевели на второй курс и дали стипендию. Наконец в этом году в мае месяце — я принужден был оставить Академию. Говорю «принужден» в смысле морального принуждения. Давно затеянная мысль — поступление на естественный факультет Университета² — сделалась осуществимой. Прежде не хватало мужества — протерпев пять лет всех превратностей судьбы — начинать сызнова, а это заставляло меня считать или по крайней мере «заставлять» считать себе самую пустую мечтою — все, что не ведет к хорошему жалованию, к обеспеченным потребностям и хотя бы, конечно, к каменному дому в отдаленной перспективе.

И вот уже несколько месяцев бьюсь, как рыба об лед, ищу, кланяюсь, умоляю, чтобы мне дали работу, — и до сих пор все это напрасно! К 1-ому январю должен я внести 25 руб⟨лей⟩ сер⟨ебром⟩ за слушание лекций — без чего не допустят меня к экзамену.³ Знаю французский и польский язык, довольно хорошо — немецкий, могу переводить, переписывать, чертить, вести счета и т. п.

Вот и все, что могу сказать о себе. Если, Федор Михайлович, захотите мне помочь доставлением работы за самую умеренную плату, напишите два-три слова ответа — если же нет... Что же?... Прибавите еще один камень к числу многих, которые обыкновенно уничтожают веру в людей, добро, правду, идею...

Надеюсь, что Вы поняли меня, Федор Михайлович, хотя и недостаток места и средств не позволяет мне вполне высказаться. Препровождаю адрес и остаюсь покорным слугою Вашим

Глинский Генрих

Адрес: 3 Рота Измайл⟨овского⟩ Полка
Дом № 12, кв⟨артира⟩ 14
Студенту Генриху Глинскому

На конверте:

В С. Петербург
Его Высокоблагородию Федору Михайловичу Достоевскому
По Греческому проспекту, подле Греческой церкви
дом Струбинского № 6.

Публикуется по подлиннику: ИРЛИ, ф. 100, № 29677, ССХІ б. 4.

¹ Петровская Академия — московский Сельскохозяйственный институт — первая высшая агрономическая школа в России. Была основана в 1865 году как Петровская Земледельческая и Лесная Академия (см.: *Катаев Н. М.* Петровская Академия—Московский Сельскохозяйственный институт: Пятьдесят лет существования 1865—1915. Пг., 1915. С.10). 21 ноября 1869 года в лесу Академии имело место убийство студента Академии И. И. Иванова, совершенное организатором тайного общества «Народная расправа» С. Г. Нечаевым и его товарищами. Убийство Иванова Достоевский отчасти использовал как фабулу для «Бесов» (об этом см.: 12, 192—218).

² Неизвестно, какой университет имеет в виду автор письма; наверно речь идет о Императорском С.-Петербургском университете, на физико-математическом факультете которого существовала кафедра естественных наук (см.: Императорский С.-Петербургский Университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870).

³ По правилам 1863 года в Императорском С.-Петербургском университете за слушание лекций взималось по 50 р. в год. Сроками для вноса платы студентами определялись 1 февраля и 1 августа; не внесшие платы в течение двух месяцев с начала полугодия увольнялись из университета (см.: Правила о взимании платы за слушание лекций в Императорском С.-Петербургском Университете. СПб., 6 октября 1863 г.). Может быть, указывая дату 1 января, корреспондент стремился скорее получить помощь от Достоевского.

Александр Александрович Леонтьев. Сведений о нем найти не удалось.

А. А. Леонтьев — Достоевскому

30 декабря 1876 г. Петербург

Милостивый государь Федор Михайлович,

Извините меня пожалуйста, что я решаюсь Вас беспокоить. Вы, может быть, очень удивитесь, получив письмо от человека, Вам совершенно незнакомого; но смею надеяться, что Вы исполните мою просьбу. Вот в чем дело: увлекшись Вашими произведениями и в особенности Вашим, без сомнения, лучшим трудом «Преступление и наказание», я избрал темою своего годовичного сочинения (в одном из учебных заведений) описание Вашей литературной деятельности. Не столько из-за достоинства своего сочинения, сколько действительно заинтересовавшись своей работой, я решаюсь просить Вас пролить некоторый свет на возникнувшие при чтении Ваших произведений вопросы кратким изложением Вашей биографии, которая служит всегда путеводной нитью при разборе поэтических произведений.

Умоляю Вас, не примите это за дерзость или за нахальство, а просто за просьбу от человека, искренно желающего уяснить себе некоторые обстоятельства, при которых возникло у Вас то или другое произведение, и этим вернее определить цель и значение их.

Остаюсь искренно преданный Вам

А. Леонтьев

Р. S. Если Вы снизойдете и удостоите меня ответом, то потрудитесь адресоваться: Галерная улица, дом № 31, Александру Александровичу Леонтьеву.

На конверте:

Его Высокоблагородию
Федору Михайловичу Достоевскому
г. Петербург, Невский Проспект, подле Греческой церкви
дом Струбинского кв. № 6.

Публикуется по подлиннику: ИРЛИ, ф. 100, № 29761, ССХІ б. 7.
Письмо датируется по почтовому штемпелю (см.: *Летопись...* Т. 3. С. 159).

Ольга Афанасьевна Антипова (1860 ?—?), семнадцатилетняя гимназистка из Петербурга. В середине января 1877 года обратилась к Достоевскому за советом по поводу неудач в учебе; ее отчаянные письма, свидетельствующие о желании получить образование, видимо, затронули Достоевского, который ответил ей 22 апреля 1877 года. Любопытно, что тон писем Антиповой, нервный и взволнованный, отчасти напоминает истерический тон письма Лизы Хохлаковой к Алеше в третьей книге романа «Братья Карамазовы», над которой Достоевский начал работать во второй половине ноября 1878 года (см.: 15, 419): «Алексей Федорович <...> пишу вам от всех секретно, и от мамы, и знаю, как это нехорошо. Но я не могу больше жить, если не скажу вам того, что родилось в моем сердце <...>. Но как я вам скажу то, что я так хочу вам сказать? <...> Милый Алеша, я вас люблю <...>. Ах, Алексей Федорович, что, если я опять не удержусь, как дура, и засмеюсь, как давеча, на вас глядя? Ведь вы меня примете за скверную насмешницу и письму моему не поверите. <...> Вот я написала вам любовное письмо, Боже мой, что я сделала! Алеша, не презирайте меня, и если я что сделала очень дурное и вас огорчила, то извините меня. Теперь тайна моей, погибшей навеки может быть, репутации в ваших руках. Я сегодня непременно буду плакать. До свиданья, до ужасного свиданья. Lise. P. S. Алеша, только вы непременно, непременно, непременно придите! Lise» (14, 146—147).

Письма Антиповой являются ярким примером особенного отношения читательниц к Достоевскому, который посвящает немало страниц «Дневника писателя» за 1876 и 1877 годы женскому вопросу, особенно проблеме высшего женского образования.⁹ Достоевский признавал необходимость высшего образования для женщин, но прежде всего видел в нем важнейшее общественное значение для нравственного обновления человечества: «...потребность у нас высшего образования для женщин, — потребность самая настоятельная, и именно теперь, ввиду серьезного запроса деятельности в современной женщине, запроса на образование, на участие в общем деле. Я думаю, отцы и матери этих дочерей сами бы должны были настаивать на этом, для себя же, если любят детей своих. В самом деле, только лишь высшая наука имеет в себе столько серьезности, столько обаяния и силы, чтоб умирить это почти волнение, начавшееся среди наших женщин. Только наука может дать ответ на

---

⁹ См. майский вып., гл. 2, § 3; июньский вып., гл. 2, § 4; июльско-августовский вып., гл. 4, § 1, 2 за 1876 год, а также декабрьский вып. за 1877 год.

их вопросы, укрепить ум, взять, так сказать, в опеку расходившуюся мысль» (23, 53).¹⁰

Во время публикации «Дневника писателя» за 1876 и 1877 годы многие молодые женщины, в том числе студентки, начали осознавать гражданскую роль женщин в обществе; они обращались к Достоевскому для помощи, в ответах к некоторым из этих женщин писатель высказывал сочувствие их взглядам и стремление помочь: «„Дневник писателя“ дал мне средство ближе видеть русскую женщину; я получил несколько замечательных писем: меня, неумелого, спрашивают они: „что делать?“ Я ценю эти вопросы и недостаток умения в ответах стараюсь искупить искренностью» (23, 27). Убедительным примером положительного отношения Достоевского к женщинам является переписка не только с Антиповой, но и со студенткой женских педагогических курсов С. Е. Лурье, обратившейся к автору «Дневника» в июне 1876 года, чтобы поведать о своем решении отправиться в Сербию сестрой милосердия в числе добровольцев (Письма С. Е. Лурье опубликованы: Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 12. С. 205—226. Публикация С. А. Ипатовой). Схожий пример являет переписка с А. Ф. Герасимовой, обратившейся к Достоевскому 16 февраля 1877 года за советом о том, как получить высшее образование и быть полезной русскому обществу (Письма А. Ф. Герасимовой опубликованы: Достоевский Ф. М. Письма: В 4 т. М.; Л., 1934. Т. 3. С. 383—386). Тем не менее глубокое понимание женских стремлений не мешало писателю раздражаться иногда на своих молодых корреспонденток, от которых он в свою очередь требовал серьезности и разумности: в своем ответе Антиповой от 22 апреля 1877 года Достоевский упрекает гимназистку за ее неправильное понимание евангельского текста (29₂, 154); в переписке с С. Е. Лурье сочувствие писателя сменилось на раздражение по поводу того, что молодая женщина не поехала в Сербию и не выполнила своего намерения (см. письмо к Лурье от 2 сентября 1877 года).

Все письма Антиповой публикуются по подлиннику: ИРЛИ, ф. 100, № 29634, ССХІ б. 2. Еще одно письмо Антиповой к писателю от 1 февраля 1877 года опубликовано: 29₂, 289—290.

О. А. Антипова — Достоевскому

1

Середина января 1877 г. Петербург

Послушайте, добрый г. Достоевский, мне ужасно хочется Вашего совета. Я давно уже думала писать Вам, да все ждала минуты, когда отчаяние совсем заберет меня, так что не на чем будет остановиться.

До этого времени я все еще могла себя утешать, ободрять, а теперь, Господи, теперь ровно уже ничего нет, так-таки одно отчаяние и больше ничего. Вы ведь не скажете: Да что я наконец за советчик!

---

¹⁰ О женском вопросе в статьях Достоевского см.: Буданова Н. Ф. Неизвестные статьи Достоевского по женскому вопросу // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1976. Т. 2. С. 236—244. О женских письмах к Достоевскому см.: Ипатова С. А. Из женского «эпистолярного цикла» архива Достоевского (А. О. Ишимова, О. А. Новикова, М. А. Поливанова) // Там же. СПб., 1996. Т. 13. С. 247—276.

Все они обрадовались несчастные, и чего ради, спрашивается, дался я им? Я так-то надеюсь, что Вы этого даже не подумаете, оттого и пишу Вам совершенно откровенно, без всякой боязливой мысли. Ужас как тяжело то, что я испытываю теперь, даже мысли путаются, пожалуй, передам Вам так, что Вы ничего не поймете.

Видите ли в чем дело: я почувствовала неожиданно свою ни к чему негодность, когда только что достигла своей цели, и это мучительное сознание, что я совсем не буду тем, кем я хочу, чуть не сводит меня с ума. Несколько лет быть твердо уверенной в своих силах, надеяться на свои способности, терзаться ожиданием успеха, и вдруг нате, что же оказывается на деле? Несостоятельность головы, слабенькая сила, ни малейшего успеха и только несчастное сознание всего этого. Ненависть к себе, я уже не знаю, право, до чего доходит. Ну что же я буду делать, голубчик, когда я вижу и чувствую, что я глупа, что из меня ничего не выйдет; это ведь такое мучение, какое меня доведет Бог знает до чего. Мне семнадцать лет, г. Достоевский, и представьте Вы себе, что в эти годы я еще совершенно необразованна, то есть так-таки почти что совершенно; я только начинаю, и кончаю тем, что опять начинаю, скажите какое утешение?

Начинать и ждать и больше ничего, между тем как мне страшно нетерпеливо, давным-давно хочется видеть себя уже... как бы Вам сказать, действующей, что ли, а теперь значит, что я никогда не буду такой, ох ты Господи, это совсем не по силам.

С двенадцати лет мысль о моей будущности, страх как тревожила меня, но тогда было много чего впереди. С сильной охотой учиться, я была уверена, что достигну того, чего мне хотелось. Образование мое двигалось, однако, чрезвычайно медленно, по причине несчастного, почти вечного нездоровья, нетерпение и злоба на черепашистый ход учения еще больше расстраивали его. Приготовлялась в гимназию — не выдержала, это меня страшно, страшно покоробило. Год занималась дома, снова стала держать экзамены, опять-таки неудача, и выдержала, да не все, сильно чем-то захворала и не попала в гимназию. Через несколько времени поступила в пансион. Здесь я пробыла до 16 лет и во все это время, дай Бог, чтобы четыре месяца аккуратно могла присутствовать на уроках. Не кончив по болезни, вышла и оттуда. Около трех месяцев ничего не делала дома, только мучаясь невыносимой мыслью: «Господи, да что же из меня выйдет такое, кем я буду наконец?» Я не могу это вспоминать хладнокровно. Охота к учению сделалась у меня страстью. Опять я начала приготавливаться к экзамену, но только к окончательному. Всю прошлую зиму я надеялась, что, может быть, сдам экзамены и тогда наконец-то достигну чего мне нестерпимо хотелось. Сказали мне, что прошение можно подать в феврале мес<яце>; отправилась я в феврале в шестую гимназию, и говорят мне там вдруг: «Поздно сударыня, наплыв большой!», значит отло-

жи, моя матушка, попечение до осени. А мое-то долгое ожидание! Ужасно досадно сделалось мне. Не знаю от заботы или от тоски по себе, только с моим сердцем и вообще со здоровьем сделалось совсем не ладно. Обратились снова к доктору. Тот милый человек: «Отдохнули бы вы, говорит, годик, а там как Бог даст, теперь же веселитесь, развлекайтесь и не думайте заниматься». Отрадно удивительно! При моем-то желании, как вдруг я целый год промотаться думой! Однако меня убедили отдохнуть, ссылаясь на то, что если я летом не поправлюсь, так у меня на осень сил не хватит. Пришла осень. Я с радостью принялась за учение. Достигла таки наконец систематического порядочного учения, и заметьте, начала, почти я начала. Что же? Я вдруг чувствую: память моя совсем притупилась, голова пустеет, ну так-таки ум выдыхается. Ничего не идет в голову, читаю, читаю и ровно ничего не понимаю, просто поглупела. Боже мой, как ужасно желать и чувствовать полнейшую неспособность исполнить желанное. Терпения больше нет, силы воли также ни на грош. Я уже ни капли не верю себе, не надеюсь — несостоятельность головы слишком явная, и одна только ненависть к себе, одно горькое, ужас, какое мучительное сознание, что из меня ровно ничего не выйдет: «так и сиди, коли Бог убил!» Экзамен мне необходимо сдать, а сдам я его при усидчивом занятии, а усидчиво заниматься нет сил. Я и двух-то часов не могу теперь сидеть за книгой — больно думать, запоминать! Что же это значит, а? Как Вы думаете, пройдет это, а? Неужели же так и покончится? Главное терпения-то больше нет, сил не хватает ждать! Учиться смертно хочется, а голова тут ослабла, не переваривается, да и здоровье совсем дурацкое. Мне невыносимо тяжело сознавать свое головное безумие, как же тут быть? Чем от него избавиться? Посоветуйте, Христа ради! Не остаться же мне жить с неспособными ни к чему мозгами и с пилящим сознанием этого. Г. Достоевский, в 17 лет быть почти необразованной, ужас, как желать образования и чувствовать свои способности притупленными! Не могу я больше писать, страшно разозлилась! Ну так Вы мне ответите? Посоветуйте, милый господин Достоевский, чем возратить умственные способности в учении? Чем добыть силу и терпение, и наконец, скажите по совести, может ли человек жить, когда он видит свою недостойность жизни, когда он потерял надежду на себя и ему осталось только презрение к своей несчастной личности? Я убеждена в Вашу снисходительность, г. Достоевский; вы единственный можете понять каждое состояние человека! Вы ведь не посмеетесь, что я обратилась именно к Вам? Мой адрес, если Вы найдете что посоветовать: Моховая улица дом № 27, кв. 24. Ольге Афанасьевне Антиповой.

Частично опубликовано: *Достоевский Ф. М. Письма: В 4 т. Т. 3. С. 387.*

Вторая половина января 1877 г. Петербург

Что же это, господин Достоевский, неужели и Вы? Ведь я целую неделю с мучением ждала вашего совета, сколько надеялась на него! А вы — нет, и не думаете отвечать: не стоит того, как же, глупа девочка, завирается! Ужасно больно теперь предполагать так. И как это мне раньше не пришло в голову, что Вы именно так и посмотрите на мое письмо. Все это несчастное отчаяние виновато, впрочем, что же тут поделаешь, если оно так сильно, что вот непременно требует поддержки, облегчения. Кругом очень не по сердцу, ну да об этом не стоит говорить, и полезут в голову разные разности: неужели так-таки ни единого человека. Не может же быть, чтобы никто не понял этого мучительного состояния — сомнения в своих способностях и сознания своей никуда негодности.

Есть же, наверное, кто-нибудь, поймет, посоветует, а вот и выходит, что нет, все думают глупости, бредни и больше ничего, тут же между тем до того доходит, что хоть просто умирай с удовольствием. Извините, г. Достоевский, я все-таки попрошу у Вас ответа на первое мое письмо, ей Богу же, я не могу больше одна выносить моих мыслей. Ну хорошо, пусть мое письмо будет глупо (я ведь писала в таком волнении, раздражительности и откровенно сказать в уверенности, что Вы меня поймете, что, право, было не до того, глупо ли выходит или нет), только не думайте, что оно трескотня, завирание; я чудесно понимаю свое состояние, мне так давило душу, волей-неволей необходимо было писать, а к кому? Мне пришло в голову только к Вам, знала ли я, что ошибусь, нет, совсем не предполагала.

Если Вы серьезно не верите мне, не захотите посоветовать относительно моих притупленных способностей, потому что относитесь ко всему этому, как к завиранию, ну тогда и не надо, не надо никакого ответа. Хотя мне страшно хочется много Вам сказать, много о чем посоветоваться, нет, ни за что больше ничего не напишу, опять, пожалуй, глупости, завирания! А мое письмо все-таки никаким образом не завирание. Прощайте.

О. Антипова

Частично опубликовано: 29₂, 289.

Получив это письмо, Достоевский в конце январского выпуска «Дневника писателя» за 1877 года поместил в разделе «От редакции» следующее обращение: «Очень просят г-жу О-гу Ан-ову, писавшую в редакцию о своих занятиях по экзамену, сообщить свой адрес вернее, данный ею в Моховой улице оказался ошибочным» (25, 36). Письмо Достоевского, которым он ответил на первое письмо Антиповой и которое, вероятно, вернулось к нему из-за неверного адреса, неизвестно (см.: Список несохранившихся и найденных писем 1875—1877 годов — 29₂, 315; № 330).

21 апреля 1877 г. Петербург

Я сейчас от третьего экзамена приехала, и Господи ты Боже мой, я ведь его не сдала! Не сдала, когда пожертвовала всем для них! Приготовляться-то было как мучительно весь Великий пост, все праздники ни единого спокойного дня, невыносимые семейные истории каждый час почти страшно мучили меня. Три недели я совсем не могла заниматься, приходилось то сидеть с мамашей, слушать ее упреки, жалобы на свою жизнь, слезы, ненависть ко всем, то слушать, что мне как дочери было больнее всего, потому что касалось и других людей, которых я очень люблю. Начиная с утешения, я оканчивала ссорой, да ведь нельзя же было не защищать тех людей, она говорила и думала про них самые несправедливые ужасные вещи, то видеть опять слезы моего бедненького, измученного историями отца (впрочем, и мамаша совсем исстрадалась), его слезы, его страдания; Господи, как тяжело было, я обоих ужасно люблю, а сидеть внутри каждого, понимать их положение, нет, у меня только и оставалась вся надежда, сила, здоровье, вся драгоценность в экзамене! В самую Христову ночь у меня ничего не было, кроме слез, кругом ненависть друг к другу, ни капли семейного счастья. Одна я своим экзаменом ободряла себя. Отчего это в Евангелии говорится «просите и дастся вам»,¹ я не понимаю больше этих слов! Да как же, там же Господь говорит «и отнимется последнее у малого и отдастся большому».² Что же это значит, то есть, если попросит, а может быть, и не попросит чего-нибудь и без того счастливый человек, там ему будет еще больше, а несчастный, как он там ни проси, останется и без последнего. Следовательно, и там, чтобы просить нужно быть уже имеющим много! Я ничего не понимаю!

Господи, опять полная неудача, опять невообразимые мучения, нет уж, я никак не могу так мучиться, ведь если бы еще что-нибудь было, а то почти без семейства одно страдание везде, мамаша совсем больна, очень больна, может быть... нет, Господи, этого-то ни за что не будет, остальные все плачущие, какая же может быть жизнь? Летом заниматься, отложить до осени? И этого никак не могу, я сама нездорова, грудь у меня страшно болеет, я ведь три недели днем и ночью занималась, так смертельно хотелось насладиться потом спокойствием, здоровьем, счастьем. А как трудно ночью заниматься?! Днем всего почувствуешь, спать ночью страшно хочется, голова кружится, лихорадка, одна мысль сдать экзамен, и все проходило: и сон, и боль, и горе. Только два дня, за три недели! Два экзамена я сдала: Закон Божий и всеобщую русскую историю, их я боялась ужасно, на третьем — географии — у меня все отрубили, ведь самый легкий предмет, а как страшно случилось! Я училась с трех часов ночи до последней минуты, прихожу на экзамен и тут же натыкаюсь на слезы, одна девушка не выдержала и горько-горько плакала, у меня всю душу перевернуло, не

прошло и 15 минут, как с другой истерика, тут из головы сразу все-все выскочило, одна пустота осталась, наконец, я села экзаменоваться, только и вертелось: наверно и я не сдам. На два вопроса я совсем не могла отвечать (а вопросы-то самые легкие!). На третий кое-как ответила, потом опять нет, наконец говорю, я никак не могу, ничего я не понимаю (мне бы нужно было попросить отсрочки, да мне в голову не пришло, я думала он сам скажет, он видел, что я была сама не своя, он бы мог сказать: «отложите дня на два, сегодня вы кажетесь не в состоянии экзаменоваться»! Священник мне так и сказал, когда я у него экзаменовалась, это одобрение для меня было так благодетельно, я и выдержала тогда!). Он на это не обратил внимания и продолжал экзаменовать, чем дальше, тем я сильнее мучилась и путала, потом он сказал, что надо оставить экзамен до осени! Когда же я просила переэкзаменовки, потому что география была у меня побочным предметом, он вдруг сказал: «А зачем Вы при начале экзамена не сказали, что Вы не в состоянии держать, можно было бы отложить до пятницы, теперь я ничего не могу сделать». И я ничего не могу теперь делать, ничего, ничего, и кажется, больше никогда ничего не буду делать!

Опять я спрашиваю себя каждую минуту, что же такое наконец? Что же это из меня выйдет? Совсем ничто! Сколько планов у меня было на лето! Заниматься свободно, спокойно, с любовью, у меня были уже готовы две маленькие ученицы, я ужасно люблю детей, эти маленькие душеньки иногда такие несчастные, бедные. Теперь все у меня отняли, я даже любить никого не могу, жалеть, мое отчаяние доходило до злости. Господин Достоевский, помните в Вашем февральском (или январском, хорошенько не помню) дневнике есть чудесные слова: «Кто знает доброе, кто знает истинное слово жизни, тот должен, обязан сообщить его незнакомому блуждающему во тьме брату своему в Христе», кажется так!³ Какое же это истинное слово жизни? Не можете ли Вы сообщить его мне, я очень, очень нуждаюсь в нем. Что же мне делать, что думать? Отчего и зачем это отнимается последнее у неимущего?

О. Антипова

Если хотите, хоть во что сделать мне маленькое облегчение, напишите что-нибудь, ведь я еще не скоро буду читать Ваш дневник, еще целые две недели, а может и совсем не придется, я не могу выносить себя. Я на(хо)жусь теперь у дяди на Василевском острове 11 линии, дом Морского училища у архитектора Антипова.⁴ Я никак не могла приготовляться эту неделю дома.

На конверте:

Г-ну Достоевскому
В Греческом переулке
Подле Греческой церкви
Дом Струбинского к. № 6.

Частично опубликовано: *Достоевский Ф. М. Письма: В 4 т. Т. 3. С. 387.*

На конверте помета Достоевского: «Антипова» (30₂, 71).

Достоевский получил это письмо 22 апреля 1877 года (дата почтового штемпеля) и сделал помету на конверте: «Антипова». В тот же день он ответил, стараясь успокоить свою молодую корреспондентку: «Я очень сожалею об неудаче экзамена из географии, но это такие пустяки, по-моему, что отнюдь уже не надо было так преувеличивать дела. А Вы написали мне совсем отчаянное письмо. (...) Это прекрасно, что Вы так любите Ваших родных, меня это очень тронуло и заставляет Вас особенно уважать, но непозволительно и непростительно так быть нетерпеливой, так торопиться и в Ваши крошечные лета восклицать: „из меня ничего не выйдет“. Вы еще подросток, Вы не доросли еще до права так восклицать. Напротив, при Вашей настойчивости непременно что-нибудь выйдет. Оставайтесь только добры и великодушны. Вам надо спокойствия, Вам надо себя полечить (...). С кем не бывает неудач? Да и стоила бы чего-нибудь жизнь, в которой всё гладко. Побольше мужества и самосознания — вот чего Вам надо. А главное здоровья. Успокойте свои нервы и будьте счастливы. Вот искреннее желание Вашего Ф. Достоевского» (29₂, 153—154).

¹ Цитата из Евангелия от Матфея (7: 7, 8).

² Цитата из Евангелия от Матфея (25: 29). В ответе от 22 апреля 1877 года Достоевский писал: «Священник, которому Вы сдали экзамен из Закона, конечно добрый человек, но я бы на его месте сказал Вам, что Вы не стоите хорошей отметки. Это Вам за текст из Евангелия, приводимый Вами в письме о тех, „у которых отнимается“. Но ведь Вы понимаете это прекрасное место Евангелия совсем наоборот. Стыдно» (29₂, 154).

³ Неточная цитата из январского «Дневника писателя» за 1877 год (25, 16).

⁴ Возможно, что речь идет об архитекторе Н. А. Антипове (1827—после 1896). Архитектор придворной конторы (1854—1860) и Морского кадетского корпуса (1861—1868) — см.: Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX—начала XX века. Справочник. СПб., 1996. С. 23.

4

22 апреля 1877 г.

Извините пожалуйста, у Вас времени нет, я знаю, только еще несколько слов. Ведь все с начала, все-все с самого начала и русскую всеобщую историю, и весь закон Божий, и все опять мучения, беспокойство ожидания, ведь все это с начала! А откуда же терпение? Хорошо, если я в один месяц так поправлюсь, окрепну, что снова примусь с твердостью заниматься, а если нет, если силы не придут, ведь они и были только в сдаче экзаменов, что же, как тогда? А мамаша, и ее страдания, все это видеть, откуда же придут силы? За искренний ответ очень, очень Вас благодарю.

О. Антипова.

22 апреля

У меня совсем как-то высохло внутри и слез-то нет! Злит меня, что отчаяние доходит до бессилия, до боязни, страстной невыносимой боязни смерти! И главное теперь-то!

На конверте:

Г. Достоевскому
Греческий проспект, подле Греческой церкви
дом Струбинского кв. № 6.

Частично опубликовано: *Достоевский Ф. М. Письма: В 4 т. Т. 3. С. 387.*

На конверте помета Достоевского: «Антипова» (30₂, 71).